

ТЩЕТНЫЕ УСИЛИЯ РОДЗЯНКО*

V.I. Startsev. Futile Efforts of Rodzianko. Individual traits and some important landmarks in the political biography of M.V. Rodzianko, an outstanding figure of the October (Oktyabrist) party, chairman of the Third and the Fourth State Dumas, between 1915 and 1917 are vividly represented in a story by a well-known historian. The most important episodes of political activities by Rodzianko as one of the leaders of the «bourgeois opposition» to the czarist government, his relations with Nicholas the 2nd are highlighted.

Среди лидеров буржуазной оппозиции царскому правительству был еще один человек, который, поддерживая линию Прогрессивного блока, вел в то же время и свою собственную политику. Это был председатель IV Государственной думы Михаил Владимирович Родзянко. Он еще меньше других походил на «революционера». Высокий, толстый, с большим выпирающим вперед животом, с мощными руками, с неприятной седой бородкой и самоуверенным взглядом, Родзянко до смешного напоминает те карикатуры на капиталистов, которые рисовал в своих «*Окнах РОСТА*» Маяковский. Он был бы превосходным типажом для фильмов Эйзенштейна.

Имущественное и социальное положение председателя Думы вполне соответствовало его внешнему виду. Крупный помещик Екатеринославской губернии, владеющий 1625 десятинами земли, действительный статский советник, имевший и придворное звание камергера. С 1900 г. — председатель Ектеринославской губернской земской управы, в 1906 г. — член Государственного совета по выборам от Екатеринославского земства. В 1907 г. М.В. Родзянко впервые избирается в III Государственную думу от своей губернии и входит во фракцию октябристов. После мартовского кризиса 1912 г., когда А.И. Гучков оставил место председателя III Думы, Родзянко избирается на этот пост. С 15 ноября 1912 г. он бессменный председатель IV Государственной думы.

Для своего времени он получил хорошее образование и был человеком с весьма широким кругозором. Он окончил Пажеский корпус, пять лет служил корнетом в лейб-гвардии Кавалергардском полку. Здесь завязались многочисленные знакомства среди высшей знати и в придворных кругах, которые весьма пригодились Родзянко на посту председателя Думы. По своим политическим убеждениям Родзянко был правым октябристом, убежденным сторонником монархии и вполне правоверным верноподданным Николая II. В то же время своеобразное положение в государстве, которое он занимал как председатель Государственной думы, заставляло и его принимать участие в борьбе за власть, которую буржуазия повела особенно азартно с лета 1915 г. Обладая правом испрашивать личную аудиенцию у государя для представления ему всеподданнейших докладов, Родзянко использовал его для изложения требований Прогрессивного блока, для давления на верховную власть. Традицию говорить царю неприятные вещи в докладах председателя Думы установил еще А.И. Гучков. Новый председатель первые годы старался быть помягче, но начиная с осени 1915 г. доклады Родзянко становятся более агрессивными по тону. Как патриот и человек весьма независимых суждений Родзянко прямо критиковал бездарность царских министров, которые плохо вели войну и ставили препоны деятельности буржуа-

* Эту работу В.И. Старцев предполагал включить в качестве самостоятельного раздела в книгу «*Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг.*» (Л.: Наука, 1977), но по не зависящим от автора причинам текст остался неопубликованным.

зных «общественных организаций». По его инициативе летом 1915 г. было создано Особое совещание по обороне, в котором Родзянко пытался объединить и примирить как представителей правительства, так и Государственной думы. После выдвижения Прогрессивным блоком лозунга создания «правительства доверия» эта тема становится ведущей во многих докладах Родзянко царю.

Он не упускает ни одного случая, чтобы напомнить царю об этом требовании «общественности», причем, как расчетливый торговец, всегда говорит с «запросом» — сразу об «ответственном министерстве». Но в письменных докладах ведет себя осторожнее и придерживается общепринятой формулы о министерстве доверия.

12 сентября 1915 г., через 9 дней после перерыва в занятиях Государственной думы, предпринятого по инициативе И.Л. Горемыкина, после безуспешной попытки добиться встречи с Николаем II, Родзянко направляет ему доклад с критикой правительственной политики, выражением недовольства по поводу роспуска Думы. Доклад кончается обращением к царю:

«Дайте Вашему верному народу твердую, верящую в себя и верящую в него власть; не позволяйте, государь, пересиливать и дальше терпение и сдержанность общественных элементов; удалите от дел потерявшего всякое к нему доверие народа статс-секретаря Горемыкина, заменив его лицом, которое согласит без потрясений назревшие идеалы народные с твердой властью и, опираясь на доверие Ваше и страны, поможет Вашему величеству довести дело спасения родины до благополучного конца»¹.

Здесь важно отметить существенное различие во взглядах Родзянко и лидеров Прогрессивного блока относительно «правительства доверия». Если последние говорили именно о правительстве, о целом кабинете доверия, в который должны войти известные общественные деятели, то Родзянко и здесь, и впоследствии всегда имел в виду только одно лицо, пользующееся «доверием страны», которое будет назначено царем на пост председателя Совета министров и которое уже само назначит членов кабинета. Как будет ясно из последующего, Родзянко полагал, что наиболее подходящим кандидатом для этого поста является он сам.

Следующую попытку повлиять на Николая II Родзянко предпринял экспромтом, в момент посещения им Государственной думы 9 февраля 1916 г.

«Я тогда в полуциркульном зале, когда его провожал, говорю, — показывал М.В. Родзянко на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии 4 сентября 1917 г., — “Ну, а дальше что? Вы изволили пожаловать. А дальше что?” — “Вы говорите насчет чего?” — Я говорю: “Ну, а ответственное министерство?”. Он говорит: “Ну, об этом я еще подумаю”. Понимаете, вышло как-то куцо. Ведь это получило бы огромное значение за границей, если бы имело последствия. А эти последствия могли дать движение вперед, могли дать успокоение. Но, говорят, он сделал это на свой страх, и когда приехал к императрице, ему тогда попало <...> И сейчас постарался все загладить. Что на него прием в Думе произвел сильное впечатление я могу сказать потому, что когда я приехал благодарить, он искренне твердил (я за шесть лет моего председательства изучил его и знал, когда он говорит искренно и когда нет): “это, — говорит, — на меня чарующее впечатление произвело, — прием. Никогда не мог решиться”»².

¹ Доклады М.В. Родзянко Николаю II / Публикация И.И. Астафьева // Исторические записки. М., 1965. Т. 75. С. 312.

² Падение царского режима. М.; Л., 1927. Т. VII. С. 129–130. В книге «Крушение монархии» Родзянко излагал свое обращение к царю в несколько иных тонах: «Воспользуйтесь, Ваше величество, этим светлым моментом и объявите здесь же, что даруете ответственное министерство. Вы не можете себе представить величие этого акта, который благотворно отразится

Тщетные усилия Родзянко

Но несмотря на это впечатление, царь не уступил лобовой атаке Родзянко, а что касается утверждения председателя Думы о том, что он хорошо изучил императора и мог отличить правду от лжи в разговоре, то, как показывают документы, Родзянко переоценивал свои способности. На том же допросе в Чрезвычайной следственной комиссии ему было предъявлено письмо министра внутренних дел Н.А. Маклакова по поводу речей Родзянко во Львове в апреле 1915 г. и ответ на него Николая II, о которых говорилось выше в настоящей главе. Царь выражал надежду, что выступление Маклакова в Думе «своею неожиданностью разрядит атмосферу и заставит гг. Родзянко и его присных закусить языки». «Вот оно как!» — только и вырвалось у Родзянко³. А спустя несколько лет в своих воспоминаниях бывший председатель последней Думы с горечью писал: «По числам эта пометка совпадала с тем временем, когда государь шел навстречу работе Думы и общественных организаций и обсуждал вместе со мной проект создания Особого совещания по обороне»⁴.

Такая же история повторилась и в конце июня 1916 г. во время доклада М.В. Родзянко царю в Ставке. Узнав об известном теперь плане установления «диктатуры», проект которого принадлежал генералу Алексееву, Родзянко в личной беседе сказал царю:

«Ваше величество, я могу предложить Вам один выход из создавшегося положения, и он тот же, который я Вам предлагал раньше, дайте ответственное министерство. Вы только расширите права, которые Вы уже дали конституцией, но власть Ваша останется неизменной. Только ответственность будет лежать не на Вас, а на правительстве, а Вы по-прежнему будете утверждать законы, распускать законодательные учреждения и решать вопросы войны и мира».

Царь ответил своим обычным: «Хорошо, я подумаю» и даже спросил у Родзянко, кого бы мог рекомендовать в министры⁵. (Тогда-то Родзянко и назвал кандидатуру А.Д. Протопопова как кандидата на пост министра промышленности и торговли.) «Царь не возражал, но, как и при других докладах, делал пометки в записной книжке»⁶. Родзянко уезжает из Ставки обнадеженный, а Николай II в эти же дни пишет Александру Федоровне: «Родзянко болтал, разумеется, всякую чепуху, но по сравнению с прошлым годом, тон его изменился и стал менее самоуверенным»⁷.

В сентябре 1916 г. в момент назначения Протопопова, через него самого, Родзянко было сделано предложение возглавить правительство⁸. Но последний отказался, выставив невыполнимые условия: Протопопов был в ужасе и не представлял себе, как он может их передать. Я ему помог: «Если государь меня призовет, я сам все это ему скажу»⁹.

Но, как только выяснилось отрицательное отношение членов Думы к назначению Протопопова (включая и Родзянко), отношение императрицы к председателю

на успокоении страны и на благополучии исхода войны. Вы впишите славную страницу в историю Вашего царствования.» Государь помолчал, а затем сказал: «Об этом я подумаю»» (см.: *Родзянко М.В.* Крушение монархии. М.; Л., 1927. С. 152).

³ Падение царского режима. Т. VII. С. 168—169.

⁴ *Родзянко М.В.* Крушение монархии. С. 123.

⁵ Там же. С. 169.

⁶ Там же.

⁷ Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Л., 1926. Т. IV. С. 342—343.

⁸ Этот факт известен только по воспоминаниям Родзянко. Учитывая отношение царской семьи к Родзянко, вряд ли это предложение было серьезным.

⁹ *Родзянко М.В.* Крушение монархии. С. 183.

Думы, которое и раньше не было хорошим, резко ухудшается. Нет бранного слова, которого не употребила бы она по его адресу. «Как я хотела бы, чтоб Родзянко повесили — ужасный человек и такой нахал», — писала она в ставку 17 сентября 1916 г.¹⁰ 21 сентября она перечисляет его вместе с Гучковым и Поливановым в компании «скотов», которые хотят «вырвать власть из рук министров»¹¹. Николай в ответ называет Родзянко идиотом, хихикает по поводу того, что Алексеев «ненавидит Родзянко и насмехается над его уверенностью в том, что он все знает лучше других».

Перед открытием ноябрьской сессии Думы Родзянко неоднократно просил Николая II принять его, но неизменно получал отказ. Обострение внутреннего положения в результате резкой критики правительства и самой императрицы в Думе отразилось и на Родзянко. 4 ноября императрица негодует по поводу его избрания председателем сессии, и несмотря на повторную просьбу он вновь не принят императором. На следующий день Александра Федоровна советует царю лишить Родзянко придворного звания. Примерно в это время Феликс Юсупов, семья которого была очень близка с семейством Родзянко, писал своей матери, княгине З.Н. Юсуповой: «Жена Медведева (т. е. Родзянко) очень волнуется, так как ее мужа хотят назначить на место дяди Бори (т. е. Штюрмера, председателя Совета министров), но я этому не верю»¹². И действительно, как видно из приведенных отзывов царской четы о Родзянко, оснований для таких предположений не было. Но «Медведев», по наблюдениям юного Юсупова, был «очень узок в своих суждениях, упрям, как стадо ослов, и его положение его очень испортило и сделало его слишком уверенным в себе и слишком важным»¹³. Только после перерыва в занятиях Думы, вызванного отставкой Штюрмера и назначением на пост председателя Совета министров А.Ф. Трепова, Родзянко удалось добиться доклада царю в Ставке. Время для этого доклада было очень неудачным, так как 12 ноября императрица, раздосадованная увольнением Штюрмера, срочно выехала в Ставку, чтобы не допускать влияния Трепова на царя. Со своей стороны Родзянко увидел в назначении Трепова добрый знак и весьма успешно с ним сталкивался. «У нас уже были отношения налажены, и через него, может быть, мы получили бы ответственное министерство» — так отзывался о Трепове Родзянко на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии. Начало этому сотрудничеству было положено визитом Трепова к Родзянко накануне выезда его в Ставку за назначением¹⁴.

О докладе Родзянко Николаю II в середине ноября имеются упоминания в письме Ф.Ф. Юсупова матери от 20 ноября 1916 г. и в письме жены Родзянко — Анны Николаевны Родзянко той же З.Н. Юсуповой от 1 декабря 1916 г. Феликс Юсупов писал:

«Только что вернулся от Медведевых. Протопопов не уходит, и заявил, что гонение на него еще больше увеличивает к нему любовь Дяди и Тети. Медведев подробно рассказал свой разговор с Дядей. Он ему все выложил со всеми подробностями и в довольно резкой форме. Открыто говорил про тетю, что ее нужно убрать, пока не поздно. Больше сказать, чем он сказал, невозможно. Ничего в ответ. Молчание и только одна фраза, которую я написал выше»¹⁵. Медведев совсем потрясен»¹⁶.

¹⁰ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. V. С. 36.

¹¹ Там же. С. 50.

¹² К истории последних дней царского режима // Красный архив. Т. XIV. С. 233.

¹³ Там же. С. 232.

¹⁴ Падение царского режима. Т. VII. С. 136; Красный архив. М., 1933. Т. 56. С. 118.

¹⁵ «Вы думаете, что я тоже изменник?»

¹⁶ К истории последних дней царского режима. С. 234.

Тщетные усилия Родзянко

А.Н. Родзянко, в свою очередь, ссылаясь на этот рассказ Ф.Ф. Юсупова, дополняет его некоторыми деталями. Сам доклад продолжался 1 час 45 мин. и был в основном направлен против вмешательства Распутина и императрицы в государственные дела. «Миша говорил взволнованно, убедительно, горячо, — он все время молчал, курил и смотрел на свои ногти»¹⁷. Так и этот доклад Родзянко не привел ни к какому результату. Затем последовал перерыв в занятиях Государственной думы, убийство Распутина, спешное возвращение царя из Ставки в Царское Село и увольнение Трепова от должности председателя Совета министров. Этому предшествовала длительная кампания, которую вела Александра Федоровна против Трепова, справедливо обвиняя его в «заигрывании» и «флирте» с Родзянко. Вновь повторялись настояния лишить Родзянко придворного мундира. Когда же свершилось убийство Распутина, то разнесся слух о причастности к нему и Родзянко — ведь он был дружен с семейством Юсуповых. На протяжении целых десяти дней председатель Государственной думы не имел ответа на свою просьбу о докладе и был принят Николаем только 7 января 1917 г. после ультиматума с требованием принять его в трехдневный срок.

За эти дни Родзянко пришлось пережить тревожные минуты, распространялись слухи о его возможном аресте и близком лишении его придворного звания. Сам Родзянко проводит несколько встреч и собраний с самыми разнообразными участниками. 24 декабря он принял великую княгиню Марию Павловну и ее сыновей Андрея и Кирилла Владимировичей, которые просили его помочь в противодействии гонениям на великих князей, связанным с участием Дмитрия Павловича в убийстве Распутина. Родзянко уверил их, что «морально» он на стороне великих князей и со своей стороны просил помочь ему добиться доклада у государя¹⁸. Анна Николаевна Родзянко писала по этому поводу: «Сегодня Миша видел многих родственников Ирины (Ирины Александровны Романовой, жены Феликса Юсупова. — В.С.). Они прекрасно все понимают, что спасение только в Думе. Миша очень спокоен, слава богу, и ясно видит свой долг перед родиной»¹⁹. Сам Родзянко в воспоминаниях сообщает о своей беседе с великим князем Михаилом Владимировичем. Великий князь прямо называл Родзянко в качестве «лица, облеченного доверием страны», которое могло бы составить кабинет.

«Если бы явилась необходимость во мне, — отвечал Родзянко, — я готов отдать все свои силы родине, но опять-таки при одном условии: устранении императрицы от всякого вмешательства в дела. Она должна удалиться так как борьба с ней при несчастном безволии царя, совершенно бесплодна. Я еще 23 декабря послал рапорт о приеме и до сих пор не имею ответа. Благодаря влиянию царицы и Протопопова, царь не желает моего доклада и есть основание предполагать, что Дума будет распущена, и будут назначены новые выборы»²⁰.

1 января 1917 г. во время новогоднего приема в Зимнем дворце разыгрался инцидент между Родзянко и Протопоповым. Протопопов приблизился к Родзянко, но тот демонстративно не подал ему руки. Тогда Протопопов взял Родзянко за локоть и сказал: «Родной мой, ведь мы можем столкнуться!» Но Родзянко ответил: «Оставьте меня. Вы мне гадки!» После этого Протопопов вызвал Родзянко на дуэль, но секундантов к нему так и не прислал. После этого скандала к Родзянко тайно приехал

¹⁷ Там же. С. 241.

¹⁸ Из дневника А.В. Романова за 1916—1917 гг. // Красный архив. М.; Л., 1928. Т. XXVI. С. 189.

¹⁹ К истории последних дней царского режима. С. 242.

²⁰ Родзянко М.В. Крушение монархии. С. 212—213.

брат царя великий князь Михаил Александрович. «Он все знает и понимает и внимательно выслушал Мишу, — писала об этом посещении А.Н. Родзянко, — обещая все передать государю и убедить его принять Мишу и Самарина»²¹.

В те же дни на квартире Родзянко на Фурштатской улице состоялось и другое совещание, на котором присутствовали уже не члены царской фамилии, а руководители Прогрессивного блока. Они явились по случаю встречи с генералом Крымовым, приехавшим с фронта. Генерал Крымов был достаточно хорошо известен многим из участников совещания, а некоторые вступили уже с ним в конспиративную связь. Крымов сделал обширный доклад, который окончил словами: «Настроение в армии такое, что все с гордостью будут приветствовать известие о перевороте. Переворот неизбежен и на фронте это чувствуют. Если вы решитесь на эту крайнюю меру, то мы вас поддержим. Очевидно других средств нет. Все было испробовано как вами, так и многими другими, но вредное влияние жены сильнее честных слов, сказанных царю. Времени терять нельзя»²². Родзянко вспоминает, что после Крымова выступал А.И. Шингарев, признававший необходимость переворота, но сомневавшийся в том, кто же сможет на него решиться? Шидловский резко и зло высказался против царя, говоря, что его жалеть нечего, раз он губит Россию. Особенно неумолимым было выступление М.И. Терещенко. Его позиция взорвала Родзянко, и тот резко протестовал против планов переворота: «Я никогда не пойду на переворот. Я присягал <...> Прошу вас в моем доме об этом не говорить. Если армия может добиться отречения, пусть она это делает через своих начальников, а я до последней минуты буду действовать убеждением, но не насилем»²³.

Старый кавалергард все еще надеялся, что своим словом, своим красноречием он сможет убедить царя пойти навстречу требованиям буржуазной общественности. Преданность Николаю II все еще не покидала его, и о замене его другим, конституционным монархом он даже в этот момент еще не помышлял. Мысль о необходимости отречения царя была еще чужда ему. И если Гучков, Некрасов и Терещенко находились на самом «левом фланге» оппозиции, то Родзянко прочно стоял на правом. Даже в январе 1917 г. он оставался не просто монархистом, а сторонником продолжения царствования Николая Романова. Эти убеждения питались и какими-то личными чувствами. И постоянными разговорами о возможном назначении его на пост главы правительства, и тем, что в том конфликте между Думой и правительством, который с каждым часом все больше накалялся, личность председателя Думы пользовалась все большей популярностью. Все это кружило голову Родзянко, импонировало ему, рождало неясные, но приятные надежды. С наивной простотой все это отразилось в письме Анны Николаевны Родзянко своей подруге Зинаиде Николаевне Юсуповой от 7 января 1917 г.: «О наших переживаниях не буду говорить, ты сама поймешь, в каком котле мы кипим и как тяжело теперь положение Миши. Он положительно один для борьбы со всеми темными силами, и все напуганные обыватели, начиная с великих князей, обращаются к нему за советом, или с вопросом: когда будет революция?»²⁴

7 января 1917 г., спустя две недели после отправки первого рапорта, Родзянко был наконец принят Николаем II в Царском Селе. Об этом докладе (текст его до сих пор не опубликован) мы знаем из очень подробного письма А.Н. Родзянко, отправленного З.Н. Юсуповой в тот же день 7 января, после разговора с мужем, а также из воспоминаний самого М.В. Родзянко.

²¹ К истории последних дней царского режима. С. 244.

²² Родзянко М.В. Крушение монархии. С. 208.

²³ Там же. С. 209.

²⁴ К истории последних дней царского режима. С. 243.

Тщетные усилия Родзянко

«Сегодня Миша был в Царском и говорил так сильно и убежденно, что взволновал и напугал царя. Он изобразил всю картину разрухи правительства, преступного назначения недостойных лиц, ежечасное оскорбление всего народа сверху донизу, полный произвол и безнаказанность темных сил, которые продолжают через императрицу влиять на судьбу России и ведут ее определенно на сепаратный и позорный мир. Вернулись старинные времена, когда личность не ограждена и произвол сильнее закона. Слухи чудовищные и волнующие передаются всюду и причиной (sic) всеобщей неурядицы, преследования честных русских людей и назначения заведомо ошельмованных или бездарных приписывают императрице, и ненависть к ней достигла таких размеров, что жизнь ее в опасности. Возбуждение растет с каждым днем, и если не будут приняты скорые меры, государству грозит неминуемая опасность. Все было сказано, не жалея красок и он, как в 15 году, казалось, поверил и взволновался»²⁵.

Некоторые мелкие детали, упомянутые в этом письме, так же не лишены интереса. Николай отрицал слухи о снятии «мундира» с Родзянко, хотя теперь известно, что они были основательны. Когда Родзянко рассказал об инциденте с Протопоповым, который после оскорбления и вызова секундантов не прислал, и теперь он может «бить Протопопова палкой», царь смеялся, но при всяком упоминании об императрице он бледнел и ничего не возражал. «Он панически ее боится и без помощи ему не избавить нас от ее пагубного влияния <...> когда Миша говорил про темные силы — царь сказал: “Да ведь теперь их больше нет”»²⁶.

Рассказ Родзянко совпадает с этим изложением, но содержит еще ряд подробностей. Так, председатель Думы, по его словам, обратился к царю с такой просьбой: «Не заставляете, Ваше величество, чтобы народ выбирал между Вами и благом родины. До сих пор понятия царь и родина — были неразрывны, а в последнее время, их начинают разделять»²⁷. Император сжал обеими руками голову и сказал: «Неужели я 22 года старался, чтобы все было лучше, и 22 года ошибался?» И, набравшись мужества, Родзянко ответил: «Да». «Несмотря на эти откровенные слова, которые не могли быть приятными, государь простился ласково, и не высказал ни гнева, ни даже неудовольствия»²⁸. Вся эта сцена, весь этот разговор между двумя людьми, с глазу на глаз, не могли не тронуть старика Родзянко. Снова вспыхнула у него надежда, что он убедил или сможет убедить царя пойти на уступки. Это настроение отразилось и в письме его жены. Хотя она и ставила недоуменный вопрос — «неужели все это фальшь и притворство?» — склонялась она к другому, слова мужа «были вдохновенны и не могли не убедить». «Я надеюсь и верю, что господь вразумит этого несчастного человека»²⁹.

После этой аудиенции Родзянко посетили несколько общественных деятелей, в частности А.Д. Самарин, московский губернский предводитель дворянства, который 9 января был принят императором, затем Львов и Челноков, московский городской голова. «Все они одобряли мои действия, поддерживая в том, что настало время говорить одну правду, как бы она ни была неприятна»³⁰.

Прошел месяц, близилось открытие сессии Государственной думы. Если в начале января Родзянко радовался отсрочке — первоначально Дума должна была начать работу 12 января — и надеялся, что царь «одумается», то истекший месяц пока-

²⁵ К истории последних дней царского режима. С. 243.

²⁶ Там же. С. 244.

²⁷ Родзянко М.В. Крушение монархии. С. 216.

²⁸ Там же.

²⁹ К истории последних дней старого режима. С. 243.

³⁰ Родзянко М.В. Указ. соч. С. 217.

зал тщетность всех этих надежд. Фантастическое расширение влияния и власти Протопопова, новые аресты и преследования, а не поиски компромисса с либералами характеризовали это время. Ощущение близкой катастрофы усилилось. М.В. Родзянко отправил Николаю II прошение о докладе. Против ожидания ответ пришел сразу же, что породило в нем радостные предчувствия. Результат же приема был ужасным. Все эти дни, проведенные в Царском Селе около Александры Федоровны и Протопопова, начисто смыли ту взволнованность и озабоченность, которую Родзянко заметил в государе 7 января 1917 г. «Резкий, вызывающий тон, вид решительный, бодрый, и алые, блестящие глаза» — так рассказывал Родзянко жене о своих впечатлениях от императора. Обычно председатель Думы оставлял свой письменный доклад, а с царем беседовал устно, что позволяло ему быть более гибким и затрагивать широкий круг вопросов. На этот раз Николай II отказался слушать устный доклад, и Родзянко вынужден был читать свой текст. В докладе высоко оценивалась деятельность Государственной думы в организации обороны страны, содержались обвинения в адрес правительства, ведущего репрессивную политику. Особо подчеркивалось требование удаления министра внутренних дел, т. е. А.Д. Протопопова. На слухи о возможном роспуске Думы и о назначении новых выборов Родзянко отвечал предложением о «продлении полномочий нынешнего состава Государственной думы вне зависимости от ее действий»³¹. В другом докладе показывалось катастрофическое состояние экономики страны, содержались требования разрешить образование профессиональных союзов рабочих, примирительных камер и бирж труда, выработать законы о социальном обеспечении безработных.

В заключение второго доклада говорилось:

«Только правительство, которому страна доверяет, в которое она верит, может заставить народ идти на дальнейшие жертвы; только тогда лозунг “война до победного конца” получит твердую основу. Государь, ваш предок в тяжкую годину, когда стране грозила неминуемая гибель, не поколебался доверить власть лицу, облеченному общественным доверием, — и страна была спасена, а имя императора Александра I золотыми буквами записано на страницах не только русской, но и мировой истории. Со всею горячностью, на которую мы только способны, с сознанием того патриотического долга который на всех нас лежит, мы молим Вас, государь, — последуйте примеру Вашего благородного предка. Бьет двенадцатый час, и слишком близко время, когда всякое обращение к разуму народа станет запоздалым и бесполезным»³².

Но царь не дослушал все эти грозные слова. «Кончайте скорее, у меня времени нет», — сказал он Родзянко. С большим трудом удалось председателю Думы докончить свое чтение. На его вопрос о том, верны ли слухи о близком роспуске Думы, царь ответил, что вероятно занятия продлятся до Пасхи — т. е. до 2–3 апреля 1917 г., «впрочем, все от вас зависит, и если не будет неприличных, резких выступлений, Дума не распустится»³³. Но Родзянко отказался поручиться за 400 членов Думы, особенно тогда, когда в правительстве остается Протопопов и другие «распутинские» министры. Второй доклад царь вообще отказался слушать, говоря: «Мне все известно,

³¹ Последний всеподданнейший доклад М.В. Родзянко. (10 февраля 1917 г.) // Блок А.А. Последние дни императорской власти. Пг., 1921. С. 1.

³² Экономическое положение России перед революцией. Записка М.В. Родзянко // Красный архив. М., 1925. Т. X. С. 86.

³³ К истории последних дней царского режима. С. 245.

Тщетные усилия Родзянко

что надо знать, а Ваши сведения противоречат моим». Ход этой аудиенции произвел самое тяжелое впечатление на Родзянко и он, наконец понял, что всякие слова уже бесполезны. В своих воспоминаниях Родзянко писал о конце приема:

«Я считаю своим долгом, государь, высказать Вам свое личное предчувствие и убеждение, что этот доклад мой у вас — последний”. “Почему?” — спросил царь. — “Потому, что Дума будет распущена, а направление, по которому идет правительство, не предвещает ничего доброго <...> Еще есть время и возможность все повернуть и дать ответственное перед палатами правительство. Но этого, по-видимому, не будет. Вы, Ваше величество, со мной не согласны, и все останется по-старому. Результатом этого, по-моему, будет революция и такая анархия, которую никто не удержит”. Государь ничего не ответил и очень сухо простился»³⁴.

Так преступная и недалновидная политика приводила ко все большей изоляции царя и его ближайшего окружения. Родзянко, искренне преданный императору, но стремившийся исполнить свой долг, как он его понимал, и тот приходил в отчаяние, видя полное крушение всех своих попыток добиться соглашения с царем. Есть основание думать, что после этого доклада и Родзянко стал склоняться к мысли о необходимости устранения Николая II от верховной власти, о необходимости его отречения. Во всяком случае, в конце письма А.Н. Родзянко З.Н. Юсуповой от 12—15 февраля 1917 г. имеется такая многозначительная фраза: «Эта кучка, которая всем управляет, потеряла всякую меру и зарывается все больше и больше. Теперь ясно, что не одна А.Ф. виновата во всем, *он как русский царь еще более преступен* (курсив наш. — В.С.)»³⁵. Вероятно, этот вывод был высказан и самим М.В. Родзянко. Николай II уже нельзя было спасти ничьими усилиями.

³⁴ *Родзянко М.В.* Крушение монархии. С. 221. В своих показаниях в ЧСК Родзянко так излагает конец доклада 10 февраля 1917 г.: «Я Вас предупреждаю, я убежден, не пройдет и трех недель с этого дня, как вспыхнет революция, которая сметет Вас, и Вы уже царствовать не будете. Я предупреждаю Вас, государь”. — “Откуда Вы это берете?” — “Из всех обстоятельств, которые складываются. Нельзя так шутить народным самолюбием и народной волей, как шутят те лица, которых Вы ставите. Нельзя ставить во главу угла всяких Распутиных. Вы пожнете то, государь, что Вы посеяли”. “Ну, — говорит, — Бог даст”. С этим я уехал». (См.: Падение царского режима. Т. VII. С. 165).

³⁵ К истории последних дней царского режима.